

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

КРУГЛЫЙ СТОЛ ПО ЭКОНОМИКЕ

25 февраля 2016 г. | Москва

Выступление

Александра Габуева

Габуев Александр. Меня зовут Александр Габуев, я год с небольшим руковожу Азиатской программой Центра Карнеги, а до этого работал в «Коммерсанте», и я пытался следить за любимой страной — Китаем.

Миркин. Катастрофа — это что-то новое, хоть не совсем новое, но по статистике, на самом деле, мы считали сто с лишним развивающихся рынков, и все равно кризис один или два раза в 10–15 лет — это стандарт. И, на самом деле, мы тут ничем не отличаемся.

Но если говорить в терминах катастрофы, то есть именно катастрофы, то я для себя вижу некоторые красные черты в экономике. Кризис начинался с черты ВВП на душу населения чуть-чуть больше 14 тыс. долларов. Для Москвы в это время региональный внутренний продукт на душу населения был более 30 тыс. долларов, в общем-то, это уровень хорошей, развитой страны.

В этом году, по прогнозам МВФ, окончательных расчетов еще нет, мы опустились на уровень 8,4 тыс. долларов, а это существенное снижение. И я жду с некоторым страхом, по части катастроф, дойдет ли этот индикатор?.. Ну хотя, на самом деле, понятно, что он очень общий, и дойдет ли он до уровня в 4,5–5 тыс. долларов на душу населения, то есть снижения примерно в три раза. Я смотрел на то, что происходило в других экономиках при таких снижениях, и там резко повышались социальные риски, люди выходили на улицы, менялись правительства, менялись режимы. На Украине сейчас снижение аккурат в два раза, то есть перед Майданом это было чуть-чуть больше 4 тыс. долларов на человека ВВП, а сейчас это примерно 2 тыс. долларов. Аргентина в начале 2000-х годов, потом Индонезия, в общем-то, кейсов очень много. Поэтому, на самом деле, если рассматривать основной сценарий для российской экономики — это такая жизнь почти в латиноамериканской стране с ее волнениями, приключениями, рисками, но со стагнацией. Ну то есть очень похоже на Латинскую Америку, где сверхконцентрированная собственность и так далее. И вот настраиваться на такое длинное, мятежное, но с удовольствием, с приключениями существование, то все-таки пункт первый, не дай бог, если мы продолжим это сокращение, это опустынивание на душу населения, то есть если мы будем медленно входить из начала 2000-х годов в середину 1990-х годов, потом в начало 1990-х годов, то есть в их изображение. И это значит, что в этой стагнации может накапливаться усталость металла, то есть то, чего мы даже не видим. Риски, концентрация рисков — это очень хорошо известно финансистам. То есть сверхконцентрация рисков, которая неизбежно приводит к тому, что мы называем цепной реакцией системных рисков, и так далее. И мы их можем не видеть. То есть мы риски можем ожидать в банках, а вдруг получить в моногородах. Мы можем считать так, что это будут спокойные регионы, потому что там всегда жили по принципу «не жили хорошо, не стоит и начинать». И вдруг мы можем увидеть всплеск в какой-то губернии.

И эти разломы могут проходить по национальным границам, по религиозным границам, и главное — то, что их движение, эта концентрация риска выпячивается именно на фоне этого опустынивания, обезвоживания, когда потоки денег перестают заливать все проблемы и морщины. Еще раз повторюсь, сверхконцентрация риска, о котором нужно говорить и который нужно прогнозировать. То есть это усталость металла, которая, может быть, сейчас не очевидна всем, а может быть, очевидна отраслевым специалистам, или специалистам по регионам, или специалистам в области религиоведения. И вот в этих точках нужно пытаться прогнаться.

Вторая линия для катастрофы — это нарастающий риск человеческих ошибок, в первую очередь это риск тех, кто принимает решения. И эти риски мы видим в экономической политике. Да, они резко раскачивают лодку. Мы видим неожиданные решения в том, что называется геополитикой. И мы видим нарастание частоты и размаха амплитуды колебаний по нарастающей линии. Мы видим риски человеческих ошибок во внутренней политике, когда открывается линия, как пример — публичное нарушение закона должностными личностями, то есть несоблюдение правил, это очень опасная тенденция, и не знаю, что еще прилетит в этом году. Турцию никто не мог

прогнозировать, но она вдруг возникла на горизонте, и там она реализовалась. То есть какие риски человеческих ошибок, неожиданных решений на внешних линиях, на внутренних линиях в экономической политике и, собственно говоря, в политике на фоне выборов можно прогнозировать, и которые резко увеличат концентрацию рисков, прервут потоки бизнеса, прервут материальные потоки, потоки людей и так далее.

Значит, в рамках стагнационной экономики, если это является основным сюжетом, понятно, что вот эта шлюпка с пробоинами, которая робко пробирается под внешним давлением. И, в общем-то, очень плохо ведущая внутри себя, плохо отвечающая на эти внешние давления. Понятно, что может утонуть не только из-за внутренних ошибок или из-за того, что у нее где-то будет усталость металла, или весло сломается, или мачта полетит. Но, на самом деле, на нее может налететь внешний шквал, то есть риск внешний, который приведет отнюдь не к либеральным решениям, а, скорее всего, к сценарию, которому упорно даю 5–10%, может быть 15%, к замыканию, к башне из слоновой кости. Тем более что вот эта тенденция к замыканию не только экономике, но и замыкание по всем другим параметрам, она очень хорошо видна. И вы можете называть это так, как хотите, то есть «черный лебедь», то есть что-то внезапное, которое придет извне. Как правило, это приводит к однозначным реакциям не в сторону высвобождения. А в сторону большего администрирования, более жестких систем, к замыканию и к нарастанию конфликтности с внешним миром. То есть это сценарий не стагнационной экономики, а катастрофический сценарий ухода от... Я еще раз повторю, что это башня из слоновой кости.

И тут открывается целое поле для анализа, то есть анализа того, что это за риски такие? Риск ли это большой войны, и мы говорим сейчас о Ближнем Востоке как о совершенно очевидной вещи, а есть ли что-нибудь иное, что мы сегодня не видим, но на развороте в четыре-пять лет является такой точкой? Являются ли эти риски экономическими? Мы издали книгу только что с длинными прогнозами по валютным курсам, с ценами на сырье. И я понимаю, что если доверяться этому прогнозу, нашему прогнозу, тогда впереди по меньшей мере три-четыре года циклической территории сильного доллара, низких цен на сырье, которые еще нужно вытерпеть. И внутри которых могут быть спекулятивные, жесткие движения вниз, даже от тех сегодняшних уровней, которые наша шлюпка еще выдерживает. Ну то есть могут быть неожиданные вещи, которые связаны с концентрацией рисков глобальных финансов, например, мы ожидаем дальнейшего крупного движения вниз, прежде всего на рынках акций, на рынке акций США. Вдруг неожиданно всплывает тема концентрации рисков в совершенно иных сегментах, о которых до тех пор никого разговора не было. Поэтому важной темой будущего прогноза подобного катастрофического для России, то есть вот этот шквал, на который будет обязательно ответ абсолютно не либеральный. И вот тут вопрос в том, из каких точек этот шквал может прийти?

Поэтому, заканчивая свое выступление, ожидая жизни в такой то ли Бразилии, то ли Аргентине, то ли Колумбии или, может быть, даже Венесуэле. То есть со всеми карнавалами и румбами и чудесной жизнью профессора, которому есть что описывать и есть что прогнозировать, тем не менее я вижу эти точки концентрации рисков, которые могут... Или направление анализа для концентрации рисков, которые дают возможность этой шлюпке опрокинуться и после этого нас всех превратить в совершенно иную реальность.

Если говорить о любом виде внутренней политики, мне кажется, что сильных ответов до сих пор нет, нет таких сильных ответов, которые бы делали эту шлюпку более устойчивой к этой концентрации рисков, но это уже отдельная тема.

Габуев. Спасибо. Я большую часть того, что вы сказали, абсолютно разделяю, но у меня профессиональная деформация человека с историческим образованием. Мы живем не в Венесуэле или Латинской Америке, и мы живем в России. И если посмотреть историю, то власть менялась последние лет 400, наверно, начиная со Стрелецких бунтов

Софьи, благодаря динамике ситуации в столице. И что происходит где-то на периферии на нашей 1/9 суши с размазанным населением в 140 млн человек, в принципе, не так важно. То есть, конечно, это важно, но никакие крестьянские восстания и так далее Россию не потопили. Нет, конечно, понятно, что сейчас другие технологии, другая скорость перемещения информации, но концентрация населения маленькая, гасить локально недовольство возможно. И все в последние годы, включая крах Советского Союза, решалось в столице непосредственно, хотя ситуация на периферии, опять же, важна.

В столице мы видим, в принципе, деактивацию народонаселения, и все стараются выживать, то есть уходить в себя. Те, кто ходил на Болотную площадь, частично отъехали, частично уже, скорее всего, никуда не пойдут. Да, случилось очень много разных вещей, то есть ситуация дворцового переворота и таких элитных движений гораздо более вероятная. В отличие, например, от ситуации в Китае, где на протяжении четырех тысяч лет взрывалось и рвалось постоянно в абсолютно разных местах во всех сменах династии, потому что это огромная городская или сельско-городская агломерация, сгруженное население на четверти территории в приморье. И если где-то рванет, тогда это сразу расплзается по всему муравейнику.

Вот почему вам не видится ситуация медленного, тихого, спокойного умирания, где народонаселение атомизируется, реакция на всякие внешние шоки и так далее — это не объединение и выход на улицу, а еще большее занятие своим повседневным выживанием. Нынешняя система вроде бы гораздо более адаптивная, чем Советский Союз, все-таки люди, которые могут сами себя занять.

Мовчан. Спасибо. Александр, тут уже говорилось о внешнем шоке, и сейчас, буквально сегодня, вчера, все вдруг, как всегда бывает, заговорили о том, что внешний шок — это Китай. И уже позавчера так не говорили. Ну, может быть, расскажешь тогда о том, что ты думаешь на эту тему. То есть что происходит и насколько Китай может быть внешним шоком для России.

Габуев. Проблема в Китае в том, что Китай — это такая * история, сложнотранспарентная, потому что все понимают, как можно доверять китайской статистике. И все понимают, насколько это большая и сложная система и как сложно построить систему индикаторов, на которой можно понять, что же там происходит. Там есть куча точечных, инсайдерских researches, когда это было возможно, — говорят, что руководство китайское понимает картинку лучше всего, но не понимает всей величины. Потому что, не знаю, в провинции Гуандун 106 млн человек, ВВП больше, чем у России. И еще там есть куча мелких разных историй, которые складываются в одну большую картину.

Во-вторых, из-за антикоррупционной компании Си Цзиньпина доступ к информации по системе от низовых уровней, средних и особенно на высшем эшелоне абсолютно задраен даже для инсайдеров. То есть наш коллега из Фонда Карнеги, который многие годы работал в Китае, многих там знает на очень серьезном уровне, недавно летел из Гонконга в Пекин, и общался он там с семьей, с родственниками Дэн Сяопина, они сказали — давай мы тебя подбросим. И они садятся в их частных самолет, взлетают, и он хочет поговорить о том, что же происходит на самом деле, и они ему так показывают на салон и говорят, что... Да, примерно, там страшный человек в центральной комиссии по проверке дисциплины, и все то, что видел наш губернатор Хорошавин и остальное, конечно, это цветочки в сравнении с тем, как там борются с коррупцией. Я бы выделил несколько основных рисков. В первую очередь все те диспропорции, о которых сейчас вдруг стали говорить те, кто раньше не знал о них, и о которых те, кто знал, говорили постоянно. То есть неконтролируемое накопление долга, *growth, то есть рост за счет инфраструктуры. Ну примеров можно приводить кучу, и мой любимый пример, который я люблю. Я езжу по китайской глубинке, и там есть такой город, типа местного Суздаля, на юге, в провинции Юньнань. И там что-то типа Кавказа, где 26 горных народностей, и все друг друга не любят, но когда пришел мощный сапог китайского колонизатора, все стали

тихо сидеть, и развивают там туризм, то есть горно-туристический кластер и так далее. Рядом очень беспокойная Юго-Восточная Азия, Золотой треугольник, но как-то все дружат.

Местный город Суздаль, столица одного из царств VI века нашей эры. И город там населением где-то 30–40 тыс. человек. И там очень маленький туристический город, и там нечего делать, кроме готовки шашлыков для туристов. С одной стороны втыкают авиахаб размером с Шереметьево в 50 км и с другой стороны втыкают авиахаб как Шереметьево для того, чтобы обслуживать туристический поток. Туристического потока такого нет, то есть даже внутреннего китайского потока такого нет.

Как это объясняется? Как мне объяснили, эти два аэропорта находятся в двух разных административных единицах, то есть в разных уездах. Критерии, оценки начальника у Китая, я очень огрубляю, два — это отсутствие социальных волнений, то есть никаких Новочеркассков или Пикалевых у тебя быть не должно, но даже Пикалево — это плохо. Во-вторых, это рост, то есть покажи нам рост ВВП. Поскольку китайская система от российской системы отличается тем, что все-таки чиновники ротируются, и представить себе руководителя государственной компании, который сидит 20 лет, очень эффективно ей руководит, — это абсолютно невозможно. И это возможно только в местной Чечне, то есть в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, — человек сидел 10 лет, и то он там сидел не очень успешно. То есть всех постоянно ротируют, то есть раз в четыре-пять лет всех перебрасывают с регионального уровня на центральный уровень, потом между провинциями и так далее. И ваша задача заключается в том, чтобы показать рост в течение пяти лет. И как вы это делаете? Вы запускаете какой-нибудь инвестиционный проект, то есть большая-большая стройка. И что будет через пять лет — это вас не очень заботит, потому что в КРП этого отслеживания того, что стало с вашей стройкой, ее не было до последних двух лет. То есть с этим будет разбираться ваш преемник. И товарищи одновременно подрядились строить, поскольку это в разных уездах... Наверху это выглядит так, что, хорошо, у нас в двух разных уездах что-то проходит, мы это отправляем в Пекин, который окончательно утверждает смету на стройку, и все нормально. Начальник провинции получает свой промоушен, мы получаем свой промоушен в системе, и после этого поехали. И это примерно так, как работает китайская модель.

Она сейчас так работать больше не может, потому что есть куча долга. И это первое, то есть системные реформы приняты, и вот «Сколково» сделало совершенно великолепный анализ, то есть лучший из того, что доступно на русском языке, сделала бизнес-школа «Сколково», и на сайте * vector вы можете почитать хорошую аналитическую записку.

Имплементации практически ноль, но, конечно, не ноль, но очень близко к нулю. Почему? Потому что western interest, у вас везде сидят чудесные, прекрасные родственники руководителей первого и второго поколения, которые не хотят того, чтобы все маркетизировалось и приватизировалось. Во-вторых, у вас, даже если вы пойдете по пути реформ, очень сложный trade-off между долгосрочным и краткосрочным. Например, вы хотите закрывать государственные компании, потому что они неэффективны, там коррупция и так далее. У вас на улицы сразу выходят миллионы людей, что вы с ними делаете? Вы их напрямую заливаете деньгами, разгоняя инфляцию, вы их стреляете, вы стремитесь сократить wasteful export, вы стремитесь нарастить потребление, и вам для этого нужен сильный юань. А вот в Гуандуне 19% занятости как раз это экспортные моногорода, которые сгущены так. И они взрываются — все, у вас абсолютно неконтролируемая ситуация. Поэтому, на самом деле, куча людей в государственном совете говорят о том, что им нужен дешевый юань для того, чтобы стимулировать экспорт.

Третье как раз — это антикоррупционная компания и концентрация власти. Си Цзиньпин собирает власть для того, чтобы провести болезненные реформы. А обратная

сторона этого — это то, что пять человек решают все в экономике, а все остальные, как бюрократам это свойственно в такой ситуации, садятся ровно и ждут письменных приказов. Так они прощелкали фондовый рынок этим летом, так они могут прощелкать много чего еще. И это видно по тому, как начинают вылезать проблемы. И благодаря тому, что все очень боятся оттока капитала, который, по официальным оценкам, где-то 600 млрд долларов, а неофициальный — это триллион, видно...

Габуев. Нет, китайский, то есть иностранный, тоже выходит, и это все легально там, но там очень классный индикатор — это разрыв в торговой статистике между импортом и экспортом материка и Гонконга. То есть люди просто через левые платежки выводят деньги, оформляя это так, как экспорт. Я был в Гонконге осенью, и все те, кто из моих знакомых немногочисленных, которые занимались так называемой бизнес-эмиграцией, они просто процветают. Ну это люди, которые сейчас ходят в самые правильные рестораны, отправляют людей в самые правильные школы, и у них все очень-очень хорошо. Да, и это такой индикатор, что, если инсайдеры, которые хорошо знают систему, они не верят в нее и стараются убежать оттуда, почему мы должны верить? Да, может быть, они справятся, ведь все говорили ужасные вещи про то, что Китай развалится в 1990-е годы, Китай развалится в 1998 году во время азиатского кризиса. Китай лопнет в 2008 году, тем не менее Китай продолжал развиваться.

Может ли это продолжаться бесконечно, на самом деле, я в этом не уверен, и мне кажется так, что сейчас риски очень сильно повышаются, особенно перед партийным съездом, где Си должен выбрать себе преемников. И явно то, что те преемники, которые ему уготованы, его не устраивают, поэтому он будет ставить своих, и там будет целая большая семья.

Как для нас это важно? Ну мне кажется, что экономисты лучше понимают. Мне кажется, что наша зависимость от Китая очень сильно преувеличена, ведь у нас всего 12% в товарообороте. То есть мы не можем сказать, что мы так сильно на него завязаны экономически. Если говорить о финансах, то все надежды получить большое китайское финансирование, по-моему, пока ни у кого не оправдались, то есть это какие-то точечные истории, прежде всего это цены на сырье. Все, спасибо.

Чиркова. А можно я спрошу как экономист? Меня заинтересовал ваш пример со строительством двух аэропортов, и вы сказали, что тут дело в КРІ. Лично мне так не кажется, у меня есть такая гипотеза, я не знаю, но я подозреваю, что аэропорты строятся на государственные деньги. Потому что, на самом деле, если бы аэропорты строились на частные деньги, то, какой бы КРІ ни был у чиновников, они бы все равно никакими способами не смогли привлечь частные инвестиции в два аэропорта. И проект третьего аэропорта в Берлине это показал, потому что инвесторы говорили, что они дадут деньги при условии, если закроют два существующих, и на это власти не пошли.

У меня вопрос, правильно ли я догадываюсь, что это делается на государственные деньги, и вообще зачем строить аэропорт на государственные деньги — и не является ли это большим злом, чем кривая система КРІ?

Габуев. Нет, на самом деле это абсолютно государственные деньги, причем это заемные деньги.

Чиркова. Я спрашиваю про то, зачем вообще государство лезет в такие проекты, которые рентабельны для частного капитала?

Габуев. Вы должны показывать КРІ?

Чиркова. Нет, в принципе зачем такой принцип, что государство из бюджета дает деньги на строительство аэропорта.

Мовчан. Мне кажется, что мы как экономисты должны понимать, что слово «государство» — это как слово «энтропия», то есть его не существует в природе. Нет такой вещи, как государство, а мы его придумали для того, чтобы в формулу его можно было ставить и чтобы было красиво. Государство не дает деньги на аэропорты, это одни

чиновники выделяют деньги другим чиновникам, потому что их КРІ совпадают в данном случае. У этих КРІ выделить, у этих КРІ освоить.

Габуев. Это первое, а второе, самое ужасное, — это либо целевые кредиты государственных банков, которые потом списываются, прячутся на счета за балансами и так далее, и все финансисты лучше всех знают, как это делается. Либо это несформированный рынок муниципальных облигаций, который, по сути дела, находится в тени. Они сейчас пытаются вытащить за уши на свет божий, посмотреть на то, что у них происходит с локальными долгами, и никто этого не понимает, то есть даже в правительстве. Мы были в прошлом году на форуме Бао и этот вопрос напрямую задавали министру финансов, и Лоу Цзивэй — один из самых хорошо разбирающихся людей во всей системе. Ему говорят: вы понимаете примерный объем муниципального долга? Он сказал, что мы его не знаем, но все под контролем, не волнуйтесь. История в том, что... Опять же, можно углубиться в то, как устроена у них финансовая система, нет нормальной конкуренции на банковском рынке, потому что есть четыре крупных государственных банка, которые доминируют. И низкая ставка, которая, по сути дела, еще и ниже реальной инфляции, которая выкачивает деньги из депозитов населения, и кредитуются все эти государственные компании по нерыночным условиям. Нести вам деньги особо некуда, и биржа — это такое прыгающее казино, еще есть рынок недвижимости, который то надувается, то схлопывается. Что вы можете? Это вы можете принести деньги некоему черному брокеру, который говорит, что он знает, что у дяди Шу-Шу есть родственник, он большая шишка в местном провинциальном государственном плане, и он говорит, что пять лет будет строиться аэропорт. И вот подряд достанется Вану, давай мы Вану дадим кредит под 10%, мы на этом заработаем, выйдем из проекта. Потом он лопнет, но он уже знает, куда он будет уходить, и все нормально. А дальше будет разгребаться следующее. Ты знаешь, есть еще очень хороший коттеджный поселок в Канаде, и там все наши, и мы потом туда.

Муж2. Я как раз по этому поводу хотел бы спросить. Я в течение последнего времени изучаю вопрос, и я понимаю, что оценка где-то 500 млрд по году сейчас, и в ближайшие несколько лет она является более или менее справедливой.

Габуев. Отток капитала?

Муж2. Да, отток капитала. И я бы хотел спросить, куда направляются эти средства и какова их структура. То есть это на личное потребление или это бизнес за пределами Китая и в каких местах. Ну то есть приблизительная пропорция какая? То есть это Юго-Восточная Азия, где есть китайцы, где Африка, где бизнес им понятен? Или все-таки это какие-то другие регионы?

Габуев. Я, на самом деле, боюсь врать, но примерная оценка такова, что официальный поток инвестиций китайских за рубеж прямых, которые регистрируются, — это 126 млрд долларов, по-моему, в прошлом году. И из них около 20%, если мне не изменяет память, то есть это двузначное число, которое близко к 20, и первое место — это США, следующее место — это Австралия, потом Евросоюз, Канада и так далее. В принципе, понятно, почему так, ведь так делают все более или менее вменяемые люди. В Австралии была очень долгая дискуссия, у нас выступал Кевин Рад на той неделе. И он потом уже, в частных разговорах, рассказывал, что была огромная дискуссия в правительстве на предмет того, можно ли их пускать в активы, можно ли их пускать, не дай бог, в сельское хозяйство, то есть пестициды и так далее. Решили сделать пилотные эксперименты, и выяснилось, что китайцы паиньки, если есть жесткое регулирование и долгосрочная рента. Они ходят на цырлах, стараются быть хорошими, честными гражданами, и все прекрасно. Австралийцы счастливы, китайцы счастливы, и туда деньги активно уходят.

Потом да, это Юго-Восточная Азия, где есть родственники, и каким бы мутным режим ни был, они все равно его хорошо понимают. Ну, немного Африка и Латинская Америка. А если говорить о России, то в прошлом году на нее отошло менее 1%. То есть у

нас рекордный приток китайских инвестиций по прошлому году, у нас чуть-чуть больше миллиарда благодаря, по сути дела, трем сделкам. Это «Сибур» Sinores купил, потом «Ямал СПГ» — это все родственники уважаемого человека. И еще была хорошая рыночная сделка между * и «Норильский никелем», но там слезы, по-моему, там 120 млн долларов. И еще есть такие точечные, маленькие кусочки. Ну, в принципе, все, то есть частных больших китайских денег мы тут не увидели, потому что тогда, когда ты с китайцами говоришь о России, они абсолютно такие же. То есть то, что у них разрез глаз другой, ничего не меняет в их взгляде на нашу экономику.

Мовчан. Да, но тем не менее есть такая вещь, как цена на нефть, и если в Китае будет серьезная экономическая деструкция, тогда цена на нефть вполне может застрять на 20 долларах за баррель надолго, а для России это не 35 долларов.

Габуев. Нефть и базовые металлы, и вот сейчас в Красноярске была маленькая дискуссия. Все, то есть и Соловьев из «Русало», и Бугров из «Норильского никеля», все были очень-очень грустными публично, а непублично были еще грустнее.

Орлова. Я тут хотела сказать, что для меня сокращение числа банков не является катастрофой просто по той простой причине, что...

Нет, на самом деле это серьезно, потому что у нас на топ-200 банков происходит 95% активов. И от того, что вы забираете лицензии у карманных банков...

Романчук. Но проблема в том, что камни падают все ближе и ближе к топ-10.